

Е. ПОСЕЛЯНИН

ИДЕАЛЫ
ХРИСТИАНСКОЙ
ЖИЗНИ

Евгений Поселянин

Идеалы христианской жизни

Православное издательство "Сатись"

2003

Поселянин Е. Н.

Идеалы христианской жизни / Е. Н. Поселянин — Православное издательство "Сатись", 2003

ISBN 5-7373-0202-4

Е.Поселянин (псевдоним Е.А. Погожева; 1870–1931) – замечательный духовный писатель рубежа XIX–XX веков, оставивший богатое наследие. Это несколько десятков книг и статей по истории Церкви, жизнеописания святых и подвижников, книги о религиозной жизни души. Трудно определить жанр произведений Поселянина – это и не собственно художественная литература, но и не публицистика, и не проповеднический жанр как таковой... Пафос его творчества – обращение в веру своих соотечественников, которые, называясь православными христианами, в большинстве своем таковыми не являлись. Он хотел показать красоту и глубину христианского подвига в повседневной, «обычной» жизни. Не было у него ни обличительного тона, ни апокалиптического накала – столь свойственных эпохе. Его «идеал» – преобразование внутренней жизни. Книга «Идеалы христианской жизни» – об этом, она – воплощение самых заветных идей и упований автора. «Идеалы христианской жизни – это идеалы христианского счастья... Это счастье тем исключительно, что оно совершенно не зависит от тех внешних обстоятельств, из которых складывается счастье мирское». Здесь читатель найдет все лучшее, что отличает творчество писателя – яркое, образное слово, прекрасный стиль и, вместе с тем, – обращение к самым глубоким пластам жизни христианской души.

ISBN 5-7373-0202-4

© Поселянин Е. Н., 2003
© Православное издательство
"Сатись", 2003

Содержание

Предисловие	7
Книга первая	9
Глава I	9
Глава II	15
Глава III. Воспитание веры	25
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Поселянин

Идеалы христианской жизни

*Музыка слов и созвучия песни нам дух улаждают;
Грустно ли стало тебе? Давят ли думы иль труд?
Горе ли? Песня поется, и стих вдохновенный поэта
Душу больную живит, силы, отраду дает.
С песнью вверяет зерно земледелец полям золотое;
С песнью матросы гребут; песнями в долгую ночь
Жены тоску разгоняют, мужей ожидая с дороги,
Песню и няня поет у колыбели детей.
Пойте же, пойте, о други, песнь радостей,
Песнь Христу Богу!
Выше всех песен она: отзвук в ней слышен небес!
Душу от грешной Земли, от горя, борьбы и
страданий
В лучший, заоблачный мир к Богу уносит она.*

*Из св. Иоанна Златоуста.
Перевод с прозы Г. А. Рачинского*

*По благословению Архиепископа Бельгийского и Брюссельского
СИМОНА*

Предисловие

Представляли ли вы себе когда-нибудь такую картину?

Христос, вознесшийся с земли на небо после совершения Своего спасительного подвига, вновь сходит на землю.

Он сходит еще не в той славе Божества, в которой Он явится людям в час второго и последнего Своего пришествия на землю; Он сходит и не в том унижении, в каком приняла Его земля, предложив Ему пещеру, ясли и потом крест. Он сходит таким, каким больше всего видели Его апостолы. В красном хитоне и синем плаще, с непокрытой головой, со всевидящим взором, с устами, готовыми открыться, чтобы излить на людей слова благодати.

И вот, сойдя к нам, к нашему быту и нашей жизни, Христос ходит, видит и слушает...

И спросим тут себя: та жизнь, которая Его будет окружать, те речи, которые Он будет слышать, те стремления, которые узрит в сердцах людей это всевидящее око, прозревающее все тайны, – будет ли все это согласно с Его заветами, будет ли все это согласно сливаться в одно общее явление, которое бы могло называться Царством Божиим?.. Разве не придется сказать, что это Царствие Божие от нас не то что даже далеко, а еле мыслимо, хотя и открыто для нас еще здесь, на земле, Христовой рукой!

Тут Христос бы увидел жизнь языческую, еле тронутую легким наслоением христианства. Он увидел бы людей, погружившихся в одно земное и забывших даже о том, как «горная мудрствова-ти». Если бы Христос стал искать в людских сердцах то, что Ему так дорого – отражения в них Своего образа, – то какую бы печалью подернулись Божественные очи, ибо в ком из нас отразился образ Христов!

И грустен был бы ход Христа между людьми при виде всех людских безумных страшных поисков временного счастья, за которым люди забывают то, что одно только важно, значительно и ценно – заботу о душе, искание Царства Божия.

Христос искал бы по миру волн любви и благоволения, идущих от души к душе человека, от народа к народу, от страны к стране. И увидел бы Он взоры ненависти, разжение лютой вражды. Вместо отголосков ангельских гимнов Христос услышал бы буйные крики нечистой песни, соблазнительные призывы. Вместо братства и равенства Он увидел бы страшную разницу в быте – безумную роскошь одних, невероятную нищету других, от которых отворачиваются торжествующие богачи. И при всем том сколько бы Он увидел людей и достаточно зорких, задыхающихся от несчастья, людей, не находящихся радости в самом напряженном бешенстве страсти.

И Христос стоял бы так среди нас, и слезы текли бы из Божественных глаз, как некогда текли по ланитам из-под терния капли крови Его, которая должна была нас возродить и которую мы невольно отвергаем. Он стоял и плакал, а жизнь кипела бы вокруг, равнодушная к ее Подателю, жизнь, идущая вне Его законов и Ему непокорная.

И пусть встает перед нами чаще и чаще этот образ Христа Бога, Который вопрошает нас о том, как мы живем, и скорбит о том, что мы живем далеко от его заветов. И неужели мы не сжалимся горячей жалостью над слезами Икупителя, Который видит, что люди страдают вдали от Него и не идут к единственному источнику утешения и счастья! Если бы только поднять к Нему взор, полный мольбы, если бы только безмолвно сказать Ему, чтобы Он взял нас, заблудших овец, на пастырские руки и отогрел бы нас, замерзших в холоде жизни, у пастырской теплой груди; если бы только осознать, что без него нет ни жизни, ни истины, ни красоты, ни счастья; если бы только с решимостью себе сказать: пойду к Нему стоять при Нем и в Нем поищу радости, и жизни, и смысла своему существованию!..

Так вот, устав ли от жизни на склоне бесплодного существования, в пору ли юности с ее грезами, так жестоко разбиваемыми потом действительностью, в зрелые ли годы, когда можно

надеяться сделать то добро, какого не успели сделать раньше, – всю душою обратимся ко Христу, чтобы найти у Него, от Него счастье, и вдумаемся в тот строй мира чувств и дел, какие бы можно назвать идеалами христианской жизни.

Идеалы христианской жизни – это идеалы христианского счастья. Кто живет по Христу, тот уже овладел тем возвышенным, полным счастьем, которое принес с Собою на землю Христос. Это счастье тем исключительно, что оно совершенно не зависит от тех внешних обстоятельств, из которых складывается счастье мирское.

Тот, кто по-мирски несчастен и ничтожен, может внутри себя носить величайшее духовное счастье. И человек, переобремененный житейскими благами, может страдать неизлечимую и неудовлетворимую духовную жаждою, и бывает, что, чем жизнь человека внешне складывается лучше, тем сильнее он тоскует какою-то необъяснимою тоскою¹.

Это призрак природы богатой и сильной. Приznak души, способной на всеобъемлющую привязанность, на безграничное восхищение, но не отыскавшей предмета такой привязанности и такого восхищения. И вот эти именно природы особенно склонны по складу своему к христианству, особенно способны к глубоким религиозным переживаниям. И часто-часто что-то необъяснимое удерживает их от религии. Она кажется им сплетением предрассудков. И всю жизнь свою они, неудовлетворенные и страдающие, бродят бок о бок со своим счастьем, не видя, не слыша и не понимая того, что бы их могло спасти.

Как все в жизни, религию надо понять, чтобы оценить. И надо вжиться в нее, последовать ее советам, провести ее в свою жизнь и ощутить ее на себе, чтобы ее понять. А все это надо сделать, потому что мы все жаждем счастья. И религия – и только она одна – дает верное, не гибнущее, от всех случайностей застрахованное счастье.

Да, мы жаждем счастья. И быть может, одним из самых правильных ответов на вопрос «Что такое человек?» был бы ответ: «Разумное существо, жаждущее счастья». Эта жажда счастья заложена в душе нашей, как наше законное и первобытное право. Первый человек был создан для блаженства, и душа его так настроилась, чтобы постоянно это блаженство воспринимать. И это свое настроение первый человек передал нам, как основное чувство, в своем духовном наследстве.

И ошибка не в том, что мы на земле этого счастья ищем. А ошибка в том, что ищем его не там, где надо.

В этой книге, носящей заглавие «Идеалы христианской жизни», будут показаны тихие картины ничем не разрушимого христианского счастья, которое нисходит на человека, внявшего заветам Христа и воплотившего их в своей жизни.

Е. Поселянин

¹ Это ужасное душевное состояние особенно часто встречается у богатых англичан. Англичане – люди очень часто глубокие по природе, и если их жизнь не посвящена одной всеохватывающей идее, она кажется им неполной. Так же и у многих русских.

Книга первая

Вера и пути к вере

Глава I

Душа-христианка

В области всех высших движений человеческого духа мы встречаемся с одним ярким явлением – прирожденной способностью известных людей к какой-нибудь особой деятельности духа. Что, казалось бы, сложнее, отвлеченнее, недоступнее для ребенка, чем мир звуков, гармонии – музыка? Между тем встречаются дети, которые еще в бессознательные годы как-то невольно тянутся к звукам, точно отыскивают в мире таящуюся в нем гармонию.

Разве слышна она в мире? Разве природа сама по себе дает слышать людям те изумительные сочетания звуков, какие великие музыканты улавливают откуда-то внутренним таинственным слухом своим и облачают в ту красоту, которая потом веками трогает, утешает, восхищает людей?

Кто научил, кто объяснил в заброшенной глуши пусть и богатой помещичьей усадьбы некому неповоротливому ребенку Глинке – будущему создателю русской национальной музыки, – что есть извечные сочетания звуков, которые погружают душу в какое-то счастливое созерцание, дают ей то прилив бодрости, веселья, то навевают сладкую грусть, то дают радостное предчувствие, то вызывают картины далекого и милого прошлого?

Ребенок и говорить еще не умеет. Но он уже чувствует какое-то волшебство звуков. Звон металлической посуды привлекает его внимание, завораживает, как пленяет внимание другого, обыкновенного, ребенка вид блестящей вещи, каких-нибудь золотых часов, которые он схватит на чьей-нибудь груди и не желает выпустить из рук.

В окно ворвется песня крестьянок, возвращающихся в село из лугов, с покоса, – и маленький дичок весь насторожился. Он живо ловит новые для него – и в то же время словно знакомые ему звуки. Он слов еще не знает, а звуки понимает, и они говорят ему. А позже он сам заговорит такими звуками, которые примет, полюбит, поймет вся его родная страна, потому что в этих звуках выражена народная душа.

Мне пришлось слышать замечательного маленького скрипача, венгра Франца Вечя. Этот восьми- или девятилетний мальчик в первые годы нашего века восхищал весь музыкальный Петербург и Москву. В жизни своей в то время он был общительным, живым, шумливым ребенком. Он с радостью играл с детьми своих лет и моложе. Когда на одном концерте одно лицо исключительно высокого положения подарило ему превосходную замысловатую игрушку – паровоз с вагонами, ходивший по рельсам, – родители боялись, что вторая часть концерта пропадет, – так мальчик был увлечен новой игрушкой.

С ним обходились настолько по-детски, что его приносили на концерт на руках, из гостиной, находившейся против той залы Дворянского собрания, где он играл. Зима была холодная; его обертывали в большую мужскую шубу и переносили на руках через улицу.

Одним словом, это был настоящий ребенок, не испытывавший в жизни ничего ни тяжелого, ни сложного, что могло бы сильно подтолкнуть его душевное развитие, дать внутреннему миру его ту зрелость, какую дает напряженное страдание даже детям. И вот, однако, когда этот ребенок брал свою скрипку и начинал играть, вы слышали игру взрослого человека. В игре его изумительна была не одна техника. Замечательно было то выражение, какое он придавал звукам, лившимся из-под смычка.

Под этой детской рукой струны то плакали горькими слезами о чем-то нужном для жизни, кровном и милом, безвозвратно ушедшем; то дышали гордым торжеством, упоением покоя; то слышался тихий шепот затаенной, робкой, ушедшей в себя любви; то рвались крики страсти; то одинокая душа грезила золотыми смелыми грезами, то грустила над изменчивостью и непрочностью жизни и счастья.

Перед вами стоял ребенок со скрипкой в слабых руках. И в этих детских руках, еле ее державших, скрипка пела о всем разнообразии человеческого горя и радости, о всей шири людского бытия, вскрывала все тайники бездонной и неохватной души человеческой. Откуда бралось все это у беззаботного веселого ребенка, который за какой-нибудь час перед тем шумно ревился с такими же, как он, детьми – они отличались от него только тем, что на них не легла эта особая печать...

Это была душа музыканта, помимо всякого земного опыта несшая миру в звуках разом все то, о чем звуки вообще могут рассказать и рассказывают человечеству. И как и почему эта душа вместила в себе богатство звуков и широко открывала это богатство миру – не изъяснить и не понять.

Согласиться ли со светлым видением, которое Лермонтов в юности своей низвел на землю: думать, что душа, несомая в мире ангелом, прельстилась гармонией его песни и на земле старалась уловить, а потом и сама создать ту же гармонию? Но в нем дышало что-то помимо него, выше его самого и ему недоступное, и через него открывалось людям.

В великолепном рассказе (в одной исторической хронике Островского) Козьма Минин восклицает: «Сегодня мной владеет Бог!..» И как часто эти слова можно приложить ко многим случаям жизни, когда человек чувствует себя действительно в чьей-то чудной власти, когда им действительно владеет Бог...

Владеет Бог и музыкантом, который уже с колыбели слышит недосказанные другим людям мелодии – те самые мелодии, которые он потом принесет в мир и которые будут напоминать людям об их вечной отчизне и поддерживать в них святую тоску по Небу.

Владеет Бог и будущим художником – тем бледным деревенским мальчиком, который чертит куском угля на белой стене с изумительной верностью поражающие его вещи, прежде чем научиться держать в руке кисть и творить те полотна, на которые потом веками будут дивиться люди.

И если мы уверены, что Бог владеет душой человеческой в этих ее проявлениях, как же с еще большей несомненностью не думать, что тем более владеет Бог душой человеческой со стороны ее религиозных постижений...

Душа инстинктивно чувствует Бога, часто тоскует по Нему и всегда готова повернуться к Нему, как подсолнечник поворачивает свой крупный цветок к солнцу. Это неопровержимая истина, которая чрезвычайно облегчает религиозную пропаганду. Именно этой истиной – неутолимой религиозной жадой души – объясняется то, как человек, только что гнавший религию или издевавшийся над ней, вдруг становится ее защитником и навсегда преклоняет перед ней колени.

Жажда религиозной истины может томить и такую душу, которая, казалось бы, или совершенно не склонна к религии, или стоит в своих стремлениях на совершенно ложном пути. Вспомним великого учителя вселенной, в столь пламенной, столь убедительной, столь покоряющей проповеди пронесшего по тогдашнему миру весть о Христе и Его заветах, – первоверховного Павла... Он гнал Христа – гнал Его не так, как гнали и презирали бы Его гонители всякой религии, – только потому что она есть религия; он гнал Христа потому, что Христос казался Ему врагом религии, которую он тогда исповедовал и которой служил...

И вот по пути в Дамаск слышит он зов: «Савл, Савл, зачем ты гонишь Меня!»

Быть может, образ Богочеловека, о Котором он, столь близко принимавший к сердцу религиозные вопросы, не мог не слышать, втайне уже покорил Савла и он уже боролся внутри

себя с этой начавшейся для него чудной и необъяснимой властью. И тогда этот зов стал для него поражением в нем ветхого человека и рождением в нем христианина. Так с пути религиозного, но ложного стал Савл на путь религии истинной.

А вот другой пример рождения веры в человеке, который, казалось, был совершенно лишен каких бы то ни было религиозных переживаний. В царствование императора Александра Николаевича был представлен к церковным делам князь Александр Николаевич Голицын. С детства он был близко известен государю, будучи его сверстником и товарищем. Но по всему строю его жизни никак нельзя было в нем предположить убежденного защитника веры. Назначению его к церковным делам удивлялись.

Как-то пришлось ему где-то отстаивать церковные интересы, и кто-то ему заметил:

– Странно слышать эти речи от вас, равнодушного к учению Церкви.

– Нет, – воскликнул тогда князь, – я верю всему, как учит Церковь!

И точно в ту минуту сошла на него вера и больше не покидала его.

До какой степени душа – христианка по самому существу своему доказывает еще следующий случай, в свое время занесенный в повременную печать.

Дочь известного русского эмигранта и писателя Герцена, жившего в Лондоне, была воспитана совершенно вне Церкви и не имела понятия о православном богослужении.

Ей было уже лет четырнадцать, когда проездом через Париж ей случилось зайти в русскую православную церковь. Она входила в православную церковь в первый раз в жизни. И то, что она там увидела, почувствовала, – ее потрясло.

Очевидно, душа ее была особенно восприимчива к впечатлениям религиозным. А тут вся полнота этих впечатлений, к которым другие дети православных семей привыкали исподволь, нахлынула на нее разом. И то, что она тут пережила, было так значительно, так сложно, так сильно, что организм ее не выдержал такого напора мыслей и чувств, – она зарыдала и упала в истерике.

Знаменитое поэтическое создание немецкого всемирного гения Гете Миньона прекрасно передает смутные мечты ребенка, похищенного во младенчестве цыганами, о далекой прекрасной отчизне.

Такая же Миньона – душа всякого из нас. Даже далекая от Бога душа томится по Богу и жаждет Его; жаждет, потому что, нося в себе масштабы бесконечности, только на Бесконечном может успокоиться...

Даже самая острота ненависти ко Христу иных людей показывает их веру. Вот теперь французское правительство борется со Христом, как боролся с Ним некогда Иулиан Богоотступник. В этой борьбе есть какое-то безумие и бешенство злобы. Желают изъять имя Христа из уст граждан, охранить слух детей от звуков этого имени, воспитать детей вне всякого религиозного воздействия. Армия шпионов следит за служащими людьми, не порывающими с Церковью, и офицер, который посещает храм и приступает к таинствам, попадает на дурной счет, и служебное движение его замедляется.

Не то же ли было тогда, когда Иулиан Отступник посылал в изгнание христиан, всячески издевался над христианами, завалил храм Гроба Господня и другие святыни Иерусалима, чтобы истребить на земле все следы Христовой жизни на земле... Но против одного следа пришествия Христова был он бессилен – против следа, оставленного Христом в сердцах человеческих.

И если могло показаться по действиям Иулиана, что он не признает Христа, то только человеку близорукому.

И та власть, которую имел над Иулианом преследуемый им Христос, выразилась в предсмертном его восклицании, которое является одним из самых торжественных исповеданий, вылетавших когда-либо из уст людей, гибнувших за Христа, и которое было теперь тем более

знаменательно, что являлось последним признанием человека, посвятившего всю свою жизнь ненависти ко Христу: «Ты победил, Галилеянин!»

Христа Иулиан считал страшным призраком, который надо отогнать от человечества... Теперь же Христос вставал перед ним во всей своей реальности, во всей несомненности Своей вечной власти и Своей непреходящей победы и над ним, над Иулианом.

Ожесточенная борьба кончилась торжественным признанием побежденного...

Мог ли с мертвым так страстно бороться Иулиан!.. Жизненность власти Христа над миром, это чудотворное слово, через ничтожных рыбаков проникавшее в глубь семей, к недоступным тайникам семейных очагов, в ряды непоколебимого римского войска, к скамьям сенаторов, к гордым сановникам и в самые дворцы цезарей и склонившее наконец к ногам Христа равноапостольного Константина, постоянно жгли и мучили Иулиана.

Христа не признавать нельзя. Можно с Ним бороться или Ему поклониться. Но чувствует Его всякая душа.

И сколько среди нас, в нашей обыденщине, таких Иулианов, которые кричат о своем неверии и своим беспокойным отношением ко Христу только доказывают, какую власть имеет над их душой отрицаемый ими Христос.

Если я считал Магомета ложным пророком, я говорю о нем спокойно, потому что для меня Магомет – величина несуществующая, не имеющая для меня ровно никакого значения. Я могу его поклонников, учеников его ложного учения, жалеть. Но могу ли относиться к самому Магомету с проклятием или с ненавистью – к заблуждающимся его ученикам? Я просто прохожу мимо них, как мимо людей, совершенно мне чуждых по духу.

Но посмотрите на другого невера. С каким жаром станет он говорить вам против Христа и христианства, каким горит он чувством злобы и ненависти...

Мечта, обман?.. Но отчего же эта самая мечта, если это только одна мечта, так его тревожит...

Нет! Его ненависть – только обратная сторона той любви, которую возбуждает к Себе Христос в других людях... Это только любовь мучительная и мучающая, вместо той, чтобы давать счастье и покой.

Замечали ли вы в земных отношениях проявление глубокой ненависти некоторых лиц к тем людям, к которым их тянет, но которые не идут на сближение с ними?

Бывает также, что человек чем-нибудь страстно восхищается, но видит, как предмет его восхищения от него далек и для него недоступен, и из-за этой недоступности начинает его ненавидеть.

Так же приблизительно бывает у некоторого разряда людей относительно Бога...

Божество стоит перед ними несомненной реальностью. А они, ослепленные этой несомненностью, чувствуя Его, но не постигая Его, а по своему складу стремящиеся все себе объяснить и все, так сказать, ощупать руками, раздражаются и, неспособные признать и преклониться – неспособные по крайней мере наедине с собой, не на людях, – в то же время неспособные отрицать, страдая от этой двойственности, начинают ненавидеть источник своего страдания.

Душе нашей необходимы известные экстазы. Душе нашей необходимо найти что-нибудь бесконечно высокое, совершенное, верховное, чтобы перед этим преклониться. И мудр и счастлив тот, кто в этой жажде находит Божество, и Ему отдает весь жар нерастраченных восторгов, все удивление и всю любовь свежей непорочной души.

А есть люди, отворачивающиеся от Бога из гордости и становящиеся добровольными рабами других людей.

Я раз слышал спор двух молодых людей, одинаково талантливых и искренних и с сочувствием относившихся друг к другу.

Один был человек свободный, потому что был верующий, и в вере находил полное удовлетворение всем душевным запросам. Другой был неверующий и гордился своим неверием. С этой мнимой своей высоты он строго судил другого.

– Удивляюсь, – говорил он, – такому характеру, как ваш, который нуждается в том, чтобы создать себе какого-нибудь идола и бултыхаться перед ним на колени... Прямо унижительное состояние!.. Не могу спокойно думать о таком раболепстве.

– А я думаю, – отвечал другой, – что тот, кто дорожит именем «раб Божий», тот самый свободный в мире человек... Он в полноте чувств подчинил себя великому Божеству и в Нем нашел свободу от тех земных мелочей и земных уз, в которых бьется человек, вами называемый свободным, а попросту раболепствующий перед миром, когда мнил освободиться от Божества.

И это было правдой... Тот, кто называл себя свободным, потому что не служил Богу, был на самом деле совершенно заверченный миром и опутанный разными узами человек.

– Поймите нелепость вашего отрицания Бога, – говорил другой, – неужели разумный человек может утверждать, что мир произошел и поддерживается в своей стройности без единой объединяющей творческой и промыслительной мысли? И ваше отрицание Бога так же бессмысленно и странно, как если бы вы стали отрицать ваших родителей. Вы от них произошли. Ведь вы можете говорить все что угодно. Но ваш отец – есть ваш отец, и ваша мать – есть ваша мать...

А Бог!.. Говоря против Него, вы вдыхаете в себя Его воздух; звуком вашего голоса и всяким вашим движением вы осуществляете жизнь, которую вложил в вас Он... Для отрицания Бога вы напрягаете ту мысль, которую пробудил в вас Он... Одним словом, отрицая Бога, вы совершенно подобны тому человеку, который, ныряя в волнах моря, кричал бы, что он не знает, что такое море, что он этого моря никогда не видел и не чувствовал...

Ведь мы купаемся в море того, что Богом задумано, создано и нам вручено; вокруг нас непрерываемая цепь Божьих благоденствий; и мы вдруг пускаемся отрицать!.. Но откуда тогда это ожесточение и злоба?..

В этом ожесточении слышна тогда мучающая этих людей борьба против самих себя.

Они внутренним чувством, тем прозорливым внутренним взором, которым мы воспринимаем все самое важное в жизни, – этим чувством они ясно чувствуют Бога, и это же чувство говорит им о том, чем человек Богу обязан, и как неблагородно ничем Богу за все не воздавать.

А гордость ума и ошибочно понимаемая свобода мешает им склониться перед Христом, припасть к Его кресту... Они отрицают угрюмо, подзадоривая самих себя, и в то же время опасно на себя оглядываясь.

Да, в душе нашей есть что-то влекущее нас к Богу какою-то бессознательной силой.

Как подсолнечник так уж создан, что поворачивает к солнцу свою шапку, так и душа наша поворачивается к Богу, – и иногда в те именно дни, когда мы этого всего менее ожидаем.

И тогда вдруг становится ей понятным то, что было дотоль непонятным. И слезы умиления сменяют собою ожесточенную сухость.

Христос, Христос, к Тебе влекутся сердца, которые бы хотели Тебя ненавидеть. И на Тебя оглядываются те, которые бы хотели Тебя забыть.

Среди общих перемен, общей гибели и крушения, один неподвижно стоит Твой образ. И над ним горит двумя звездами, непостижимо слитыми в одну, Твоя незаходимая слава Божества и мученичества.

К жалящему тернию Твоего венца жадно тянутся люди, распаленные страшной и священной грезой пить с Тобой Твою муку.

И, преследуемый, осмеянный, вновь и вновь заушаемый и отрицаемый, один, один Ты владеешь веками – не как мечта, созданная человечеством, а как единая действительность, воплотившая свою мечту творчества и жертвы.

Мудрецы жаждали детской в Тебя веры, цари оставляли престолы, чтобы обнимать Твои сочащиеся кровью ноги и замирать в верности Тебе, смотря на безмолвие Твоей крестной муки.

И так стоишь Ты, веруемый, и теми, кто Тебя отрицает, чаемый, и теми, кто от Тебя отвернулся, – вечный, непоколебимый, неустрашимый.

Глава II

Область веры. Ее сужение и расширение

В общежитии, когда говорят о вере и о религии, имеют обыкновенно в виду только одну ограниченную часть жизни.

Область веры подразумевают тогда, когда говорят о церковных таинствах, о храмах, иконах, мощах, богослужениях, говений, молебнах, панихидах. Но многие ли дают себе отчет в том, что вера должна проникать всю решительно жизнь человека – все его интересы, мысли, поступки, надежды, мечты и расчеты.

К религии истинно религиозного человека можно приложить слова, сказанные одним поэтом любимой и далекой женщине:

Везде и всегда ты со мною:
Ты со мной невидимка в мечтах,
В размышлении, в радости, в скуке,
В дуновеньи весны и в цветах,
И в звезде на ночных небесах,
В аромате, и свете, и звуке...

Вот когда первые христиане из язычества обращались ко Христу, они ведь не всегда уходили в пещеры, к аскетическим подвигам, в отшельничество. Не все из них также гибли на аренах. Многие оставались жить в миру, не прерывая своих прежних занятий. Сколько, например, известно великих святых, которые до своего крещения служили в войсках и, обратившись ко Христу, продолжали быть воинами, служа честно прежнему своему делу, и отказывались от повиновения только тогда, когда их принуждали отречься от Христа...

И Иоанн Креститель, когда к нему приходил креститься народ с исповеданием грехов своих, не отрывал народ от прежнего его быта, не приказывал бросать своих прежних занятий, но старался вносить новую струю благообразия, мира, доброты и добросовестности в эти занятия людей грубых и темных, но не лишенных светлых стремлений, что доказывалось уже самим их приходом к иорданскому пророку.

И наученный им воин помнил, что он не должен обижать беззащитных жителей, мытарь-сборщик податей помнил, что он не должен брать больше положенного... Новое что-то и лучшее входило в жизнь этих людей и незаметно ее преобразовывало.

Казалось бы, какое христианству дело до того, что я купец, и каково может быть воздействие христианства на меня в моем купеческом деле?

Воздействие может быть громадным: и воздействие как по приемам, которые внесет в дело моя христианская совесть, так и по целям, которые будет преследовать моя торговля.

Истинный христианин, например, никогда не позволит торговать себе таким товаром, который вредит людям, как бы этот товар ни был прибылен для купца.

В последние годы, например, многие получали крупные барыши от издания соблазнительных книг и таких же картинок. По развращенности своей люди жадно бросаются на такого рода издания, которые непременно склоняют их к соответствующим действиям. Попадая в руки юношества, порой еще чистого, эти проклятые книги и картинки возбуждают в них нечистые желания и бывают причиной их падений.

Так неужели же возможно, чтобы верующий человек решился на такое прибыльное и легкое, но предосудительное занятие?

Есть очень много занятий, которые ведут к верному и скорому обогащению, но о которых христианин даже страшится думать.

Будет ли, например, христианин, который по тому уже самому является народолюбцем, будет ли он, например, содержать кабак, зная, какое развращающее влияние имеет кабак на всю округу повсеместно, и особенно вследствие слабости русского характера, подрывая народный труд, семью, благосостояние населения, вызывая разорения, преступления? Кабатчик, можно сказать, пьет кровь народную, и этой крови христианин пить не будет.

Только полное недомыслие или, хуже того, постыднейшее из лицемерий – лицемерие перед самим собой и преступная неискренность перед Богом – только эти прискорбные явления могут объяснить то, что находятся люди, считающие себя верующими и разглагольствующие о высоких предметах и вместе с тем в своих имениях занимающиеся перегонкой хлеба в спирт, превращаемый в водку, в волнах которой тонет и гибнет сила великого русского племени.

Мне пришлось видеть обратное: как христианская совесть заставила владелицу одного крупного имения, женщину умную и направлявшую свою жизнь по Евангелию, заставила закрыть подобное заведение, давно существовавшее в имении.

В этом имении исстари работал пивной завод. За аренду его платилась хорошая сумма, представлявшая собой самый верный источник дохода. Как известно, пиво гораздо менее опасно для здоровья и для благосостояния населения, чем водка.

Но владелица имения вообще старалась об улучшении условий жизни окрестного крестьянства. В этих целях она завела церковное общество трезвости, устроила около церкви дом для чтения крестьянам с показыванием теневых картинок, украшала местные церкви, поддерживала школы...

И как женщина умная и искренняя, она поняла, что нахождение в ее имении завода идет вразрез с ее деятельностью для крестьянства. Она не стала успокаивать себя, как сделали бы другие, всякими натянутыми рассуждениями: что все равно, кто бы вино ни выделявал, нужное количество его будет пьяницами выпито, и если не у нее в имении, то у кого-нибудь другого выгонит это пиво этот самый арендатор завода, так что она, причиняя себе ущерб, не отнимает ни от чьих уст ни одной кружки этого довольно невинного напитка.

Она скорее решила пойти на убытки, чем заглушать тихий голос совести, советовавший ей прикончить это дело. И она прикончила.

Далее, христианин никогда не позволит себе вносить в свою торговлю те сомнительные приемы, на которых у некоторых торговцев вертится весь расчет: надуть в известной местности товаром дурного качества, но «показанным лицом», наибольшее количество народу и затем переключать в другое место для той же плутни.

Будет ли христианин набирать товар или деньги в долг с затаенной, но ему самому заведомой целью: не заплатить и объявить себя несостоятельным должником, припрятав деньги и переведя имущество на жену?

А ведь многие богатели такими мнимыми банкротствами, причем бывали случаи, что человек намеренно банкротился два-три раза, присваивая или, вернее сказать, воруя доверенные ему деньги, причиняя расстройство делам доверившихся ему лиц, – быть может, пуская некоторых по миру.

И потом как ни в чем ни бывало эти люди гордо жертвовали часть награбленных ими денег на храмы, как будто эта цена народной крови и народного несчастья могла быть угодной Богу!

Может ли христианин заниматься ростовщичеством, наживаясь на несчастьях или пороках людей, выдавая им такие суммы, которые страшным ростом в несколько лет увеличиваются в несколько раз?

Таким образом, вот пример того, какую чистоту внесет христианство в главное занятие, которому посвятил себя человек.

Насколько можно во всякое занятие вносить струю христианства, мы поймем, если только вспомним обращение с нами хотя бы разных лиц, с которыми мы сталкиваемся по делам.

В железнодорожной кассе на наш вопрос нам отвечают нетерпеливо, грубо: тут у этих людей в отпращивании их служебных обязанностей нет и тени христианского настроения.

Нас сочувственно выслушивают, дают все нужные указания, предлагают такие удобные поезда, о которых мы и не знали, – это человек христианского настроения.

А начальник в отношении своих подчиненных: если он ко всем равен, смотрит на усердие и знание людей, а не на заискивания перед собой, никогда не покривит душой и из-за личной выгоды не предаст казенного интереса, – это христианское поведение.

Насколько может далеко идти христианская заботливость о своих подчиненных, вот тому пример.

Один господин, управлявший казенным местом, представил к награде одного из мелких чиновников. Он его еле знал, но непосредственный его начальник свидетельствовал о его усердии.

Представление не было уважено. Тогда управляющий объявил, что или подчиненного наградят, или он уходит в отставку, так как не потерпит, чтобы достойного человека лишали награды. Управляющим дорожили, и потому дело уладилось.

Из всех приведенных примеров ясно, насколько широко применение веры к жизни, как во всяком деле своем человек всегда может отдать себе отчет, со Христом ли он в этом деле или нет.

И вот почему области жизни, освещаемые верой, гораздо шире, чем принято думать.

Напрасно полагают, что только храм и обряды религиозные составляют область жизни, освящаемую верой.

Все, что в быту человеческом достойно и чисто, – все то благословляется Богом.

Если я добрый православный и исполняю тщательно все церковные предписания, для меня этого еще мало.

Мне мало того, что я с Богом на молитве, с Богом в храме, что я с Богом в те минуты, когда надо мной совершаются таинства Церкви.

Я хочу, чтобы в моей жизни не оставалось ни одной минуты, когда бы я не чувствовал и не сознавал себя с Богом.

Для меня было бы обидой и горем, если бы меня стали уверять, что я только тогда с Богом, когда исполняю свои чисто религиозные обязанности, а все остальные часы моего существования принадлежу только миру.

Нет, я хочу знать, что Бог при мне и я в Нем, когда я занимаюсь главным жизненным делом своим.

Вот если я чернорабочий и занимаюсь, положим, мощением улицы, я в то самое время, как сижу у груды камней и разбиваю молотком камни, зажимая их между ногами, обутыми в лапти и обвернутыми под лаптями в толстые портянки, – в это самое время я служу Богу, совершаю дело богоугодное.

Во-первых, я исполняю заповедь, данную Богом Адаму при изгнании его из рая: «В поте лица твоего ты будешь есть хлеб» – и зарабатываю этот хлеб действительно в поте лица. Труд мой тяжел, а оплачивается скудно. Труд мой опасен. Я сижу на припеке солнца, глядя на светлые, раскаленные камни, и при слабости головы меня может поразить солнечный удар. При раздроблении камней молотком осколок легко может попасть мне в глаз, причинив глазу по моему невежеству и неумению найтись в беде и скорее хорошенько промыть его значительную болезнь. Спина больно ноет у меня, когда я, разогнувшись после нескольких часов этой скучной, однообразной работы, поднимусь на ноги, и ноги еле держат меня.

Но я работаю и не ропщу. Я утешаю себя в работе мыслью, что Господу угодно было дать мне именно этот, а не какой-нибудь другой удел в жизни.

Я подкрепляю еще себя мыслью, что другие сидят голодные, вовсе не находя работы, которую мне послал Бог.

Наконец, если я семейный, то я, прокармливая своих детей трудом своим, из-за них не доедая, исполняю тем заповедь Божию: «Раститесь и множитесь, населяя землю».

И потому все время работы моей я буду считать проведением времени не менее религиозным, как если б я проводил это время в молитве.

Я молюсь Богу трудом моим.

Еще большее религиозное значение приобретает мой труд тогда, когда он не только кормит меня, но и заключает сам в себе высокую цель.

Если я учу юношество добру, вселяю в него ясность знаний и благородство понятий, то разве всякая минута моего труда не будет в то же время и служением Богу?

Или если я избрал себе трудное и высокое звание врача и, подвергая свою жизнь опасности заразы, помогаю больным, бесстрашно еду на борьбу с какой-нибудь эпидемией, где есть много вероятий заразиться мне самому и погибнуть, – разве тогда всяким дыханием своим во всякую минуту врачебной деятельности моей я не служу всеми силами моими Богу, воплощая на деле величайший из заветов Христовых: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя».

Некоторые люди, строгие приверженцы буквы закона, могут сказать: всякое доброе дело религиозно только тогда, когда оно и творится на религиозной основе. Поэтому всякое хорошее дело религиозно, только когда он совершается во имя Христа.

Тут предстоит разобраться в очень важном вопросе: как можно с именем Христа на устах быть во всем врагом Христовым и как, стоя, по всей видимости, далеко от Христа, дышать Христовым духом, жить заветами Христовыми?

Представим себе двух людей, из которых один считает себя верующим и выказывает себя таким; другой же никогда ничего не говорит о вере, и его считают неверующим.

Но в чем у первого выражается его вера?

Он посещает богослужения, преимущественно в тех храмах, где можно видеть службу торжественную, благолепную, богато обставленную, послушать хороших певчих, голосистых дьяконов.

Вернувшись домой после такой службы, где он, в сущности, только услаждал свое зрение и слух, он весь преисполняется гордости, что он, мол, такой усердный от Бога человек. Точно так же, с тем же самодовольством, он исполняет религиозные обязанности: вяло пересказывает духовнику на исповеди какие-нибудь мелкие грешки, умалчивая о преступлениях своей гордости, жестокости, тщеславия, самолюбия и строгого осуждения людей; с холодным сердцем приступает к святой чаше и, опять-таки, кичится тем, что вот он такой замечательный христианин.

И в ожидании смертного часа своего он точно так же исполнит все положенное: примет соборование маслом и приобщится. И, может быть, над гробом его, в храме, будет сказано о нем похвальное слово: о том, какой это был примерный «сын Церкви» и какое назидание можно почерпнуть из его жизни.

А на деле это был никому не нужный и нравственно ничтожный человек. Он на своем веку не подошел близко ни к одной человеческой душе, никому не стал дорог, нужен, необходим. Он не только не страдал горем людей, но тщательно отворачивался там, где от него ждали участия, и резко отказывал тем, кто его о чем-либо просил.

Это был человек, который приближался к Богу только устами своими и устами чтил Его. Сердце его далеко отстояло от Бога и тщетно было почитание его.

Он не сделал главного, что Господь поставил признаком близости к Нему: он не творил волю Божию, не любил людей и не приносил себя в жертву им.

Когда перед ним люди утопали в море житейском и довольно было протянуть им руку, чтобы спасти их, он не двигал пальцем, и к скудным жертвам, которые он, скрепя сердце – более из тщеславия, чем из сердечного расположения, – делал для храмов, можно приложить слова: «Милости хочу, а не жертвы».

И на вопрос: «Да в чем он разнится от язычника, который прожил, исполняя внешние обязанности своей религии и никогда ничего не слышал об учении Христа?» можно ответить лишь: «Этот человек в жизни своей ничем не разнился от такого язычника. Благодать Христа ничем на нем не отразилась. На нем не видно было печати Христовой. Он только внешне принадлежал Христову стаду, совсем непричастный Его духу».

Теперь, как противоположность только что описанному человеку, возьмем человека, во всем ему противоположного.

Пусть это будет пылкий молодой человек, весь поглощенный внешним миром и еще сам не уяснивший себе своих религиозных верований.

Он слишком прямодушен, чтобы исполнять религиозные обряды, когда в душе его нет соответствующего религиозного чувства, а поэтому он не приступает к этим обрядам.

Но в нем кипят горячие благородные чувства, порывы к добру, возмущение всякой несправедливостью и всяким злом, которое он перед собой видит.

Для него увидеть кого-нибудь в горе – значит пожалеть этого человека, а пожалеть его – значит помочь. И он от скудных средств, которые еле дают ему существовать, готов оторвать «лишнее», самому не быть вполне сытым, чтобы поделиться с другим человеком, который совсем голоден. Даже не сознавая, как прекрасно его поведение; он, может быть, своим трудом содержит старую мать или учащихся братьев и сестер...

Наступает какое-нибудь общественное бедствие, которое задевает чувствительные струны его души, например сильная эпидемия, и он бросается на помощь, забывая себя. Весело напевая, далекий от мысли корчить из себя героя, он, точно делая самое простое, обыкновенное и незначительное дело, отправляется туда, где царствует ужас и смерть, где неутомимо косит свою жатву смерть, и в борьбе с нею погибает.

И вот теперь спросим себя: кто по духу ближе Христу, кто полнее исполнил Его завет: тот ли человек, у которого для человечества был в груди немой и холодный камень, которого никакие развертывающиеся перед ним беды человеческие, никакие громкие стоны не могли вывести из неподвижного равнодушия и который поставил себе в жизни одного идола – себя самого – и этому идолу служил, хотя часто имел на устах имя Христово и внешне казался в общении со Христом?.. Или человек, который не злоупотреблял именем Христовым и казался далеким от Христа, но на деле до крайних последствий и до лучезарного конца довел то, чему учил Христос?

Ведь корень познается по дереву. Корень жизни первого – чисто языческий, корень жизни второго – христианский; и первый дышал язычеством, второй – Христовым духом.

Ведь не тот мой, кто на словах распространяется о любви ко мне, а на деле действует во всем совершенно противоположно моей воле. Мой тот, кто настойчиво творит самые дорогие и близкие мне дела. И Христу близок не тот, кто пустосвятно твердит на людях – быть может, наедине и не упоминаемое им никогда имя: «Христос, Христос» и ничего не делает из заветов Христовых; а дорог тот, кто молча, не ожидая и не требуя себе за то небесной награды, как нечто простое и естественное, с горящим сердцем и веселым видом соблюдает величайшую заповедь любви...

Нельзя не задуматься над словами Христа о том, что спросится с нас в первую очередь на Страшном Суде.

Тогда Господь Христос скажет:

– Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царствие, уготованное вам от sloжения мира. Ибо Я алкал, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, наг был, и вы одели Меня, болен и в темнице, и вы также посетили Меня.

И они спросят:

– Господи, когда мы видели Тебя алчущим – и накормили Тебя, жаждущим – и напоили Тебя, нагим – и одели Тебя, больным или в темнице – и послужили Тебе?

И скажет им:

– Так как вы сделали это для одного из братьев Моих меньших, то для Меня сделали.

Итак, из этого следует, что Христос принимает всякое добро, оказанное человеку другим человеком, так, будто то добро оказано непосредственно Ему Самому, причем даже не сказано тут, чтоб это добро должно быть сделано во имя Христово, – просто только сделано.

Равным образом отсутствие любви к ближнему, проявленное человеком в воздержании от деятельности помощи ближним, принимается Христом как преступное равнодушие к Нему Самому, как измена и отречение от Него Самого.

И выходит, что первый, с лицемерным образом своего благочестия, был изменником Христу. Второй, со своей кажущейся далекостью от Него, был Христов верный раб и работник.

«Дух дышит идеже хочет», часто бессознательно для самого человека, и чудом Божией мудрости и промысления человек, считающий себя неверующим, прославляет Бога делами, которые внушает ему Бог, и он покорно слушает внушения этого тайного гласа Божественного...

Мало размышляющие и грубые люди не понимают также, какое могучее орудие для прославления Себя людьми – и не только для душевного возвышения их, но и для привлечения их к Себе – Господь избрал в том искусстве, произведения которого являются часто громчайшими и славнейшими органами Божией славы, тем высочайшим и бессмертным языком, каким душа человеческая поет Богу свою заветную песню.

Кто стоял в той тихой обособленной комнате Дрезденской картинной галереи, где хранится величайшее произведение кисти Рафаэля – Сикстинская Мадонна, кто робко и с восторгом, как человек, без прав на то залетевший на небо, всматривался в это небесное явление, в это торжество материнства и девства на лице Пречистой, в это изумительное искусство, которое дало возможность Рафаэлю изобразить Богоматерь так, словно Она не стоит перед нами, а тихо-торжественно-величаво движется на облаках; кто созерцал на высоком челе Ее и сияние непорочности, и ту высокую ясность мысли, с которой Она несет миру Младенца Христа; кто трепетал перед этим величием взора Младенца, в котором чудным образом невинность и беспечная радость детства сочетались с творческим величием и вдумчивостью; кто видел этого святого Сикста и великомученицу в радости безмолвного созерцания и упоения той невыразимой святостью, которой они предостоят; кому сияли эти два херувима с мечтательностью во взорах, с проникающим их блаженством бесплотных духов, – тот понимает, как высоко может подбросить душу в надземные области истинное искусство.

Редко кто входит в эту одинокую обособленную комнату, где стоит эта великая картина, редко кто входит наскоро и недолго в ней остается.

Еще только приближаясь к этой заветной комнате, вы чувствуете необъяснимое волнение; вас уже охватило, встало перед вами все, что вы слышали и читали об этом удивительном полотне.

Сколько бы народу там ни было, голосов не слышно. Если изредка кто и перемолвится словом, то это слово произнесено шепотом, как во время богослужения в алтаре... И те, кто стоит, и те, кто сидит на единственной длинной скамье по стене, не сводят глаз с поднятой высоко от пола картины. Не смотрят, а созерцают...

Такое же молчание умиления было бы, верно, и в те мгновения, когда бы Пресвятая, спустившись с небес с Предвечным Младенцем, тихо пронеслась перед людьми на облаке над землей лучезарным видением...

Так что же, когда Рафаэль творил это вдохновенное произведение, в красках отражая святую мечту, жившую в его душе, – мечту о Деве и Младенце Христе, – не было ли тогда его дело одним из высших дел, доступных человеку, не служил ли он тогда Богу, извлекая из души своей и оставляя навеки людям такую святыню и красоту, перед которой люди переживают нечто высшее, чем молитву, которая дает им видение живого неба.

А трогательный Мурильо с его картинами Приснодевы, в облаке ангельского ополчения возносимой к тому Небесному Царству, где Она будет Царицей, со Младенцем Христом, то пьющим воду из черепка, который подносит к Его устам маленький Иоанн, то стоящим рядом с барашком-агнцем; Мурильо, весь какой-то небесный, с безбрежной детской верой, точно руками осязавший вечность с надземными областями.

А наш Васнецов!

Если человек, способный к религиозному восприятию, входит впервые в Киевский Князь-Владимирский собор, на стенах которого собраны произведения Васнецова во всем расцвете его гения, его охватывает необычайное чувство близости и действительности того, что изображено на этих стенах, этих потолках и столбах.

Вот «Богоматерь, несущая миру спасение» – знаменитая Богоматерь, столь распространенная в своих воспроизведениях.

Вот великолепное изображение равноапостольной великой княгини Ольги, праматери русского православия. Как зорко глядят вдаль ее вещие очи, какой могучей силой дышит вся она, прозревшая истину и всенародно поклонившаяся Распятому Христу.

Вот вверху изображения ветхозаветных пророков в священном исступлении; вот и потрясающее видение по поясу купола «Блаженство святых о Господе».

Святые разных ликов, словно с силой снаряда, выпущенного из орудия, стремятся к отверстым дверям рая. Какое ликование, какое счастье! Вот награда за тяжкий подвиг жизни, за верность Христу, засвидетельствованную у кого вольным унижением, ежедневным самораспятием, у кого – кровию и муками казни... Вот они, прошедшие жизнь свою «скитающиеся, скорбяще, лишени, озлоблени», ютятся в пещерах и «пропастях земных», вот они будут все увенчаны сейчас нетленными венцами славы – цари, князья, дети, старые иноки, юные мученицы, юродивые и вельможи... Какое разнообразие лиц и выражений! Вот, крепко прижимая к груди крест, иссохшая телом, с седыми волосами преподобная Мария Египетская. Вот с выражением невинной радости во взоре, весь светленький, в ореоле своего непорочного детства и своей святости, первый киевский отрок-мученик, сын Феодора-варяга, Иоанн со своим отцом.

Но кто эта одна, среди общего стремления тиха, задумчива, неподвижна? Уронив руки на колени, всматриваясь перед собой широко открытыми очами, она откинулась на руки несущих ее ангелов и замерла. На ней одежда царской дочери, украшенная самоцветными камнями... Это великомученица Варвара, в которой, хочется думать, художник отразил живший в нем близкий и дорогой образ – великой богоискательницы России.

Тихо и торжественно среди общего счастливого смятения возносится она в то Небо, которое давно, с того дня, как она познала и увестила Христу, спустилось в ее душу...

Неотразимое видение, возносящее человека горе!

А вот в самом потолке чудесные изображения Христа Распятого, и над Ним – скорбящего Бога Отца.

О эта склоненная на грудь с невыразимой мукой глава, эти распростертые по крестному древу и прободенные гвоздями руки! О эта мертвенная бледность, надвигающаяся на ланиты «Краснейшего из сынов человеческих», эти уста, вещавшие миру новое слово, которые теперь

раскроются только единый и последний раз, чтобы произнести последний возглас: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой!»

Волнующий, незабываемый образ!

А над Ним еще, быть может, более скорбный образ – Бог Отец, вззирающий на крестную муку Сына. На простом каменном престоле воссел величественный седовласый Старец, и все в Нем и в воздухе вокруг говорит о Его необоримой силе... Чувствуется, что одной мысли Его довольно для того, чтобы легионы ангелов слетели на землю, сняли со креста Единородного Сына Божия, облекли Его в царскую порфиру и вознесли на Небо для сидения одесную Отца.

Но Он безмолвно смотрит на Страдающего и страдает.

И это сочетание скорби и безграничного могущества потрясает... Эти руки, из ничего сотворившие вселенную, теперь не дрогнут, чтобы помочь распятому Сыну. Все окаменело, и застыли неподвижно верные серафимы, готовые творить волю Посылающего и с ужасом вззирающие на муку Голгофы и на оставление Сына...

И вы, замерев, взираете на эту величайшую в мире трагедию.

А вот обернитесь ко входным дверям. Над ними по западной стене встает видение Страшного Суда.

Эти поднимающиеся из недр земли, воскресшие по звуку трубы архангелов люди, эти кости, одевающиеся плотню, эти воссевшие на престолах апостолы, этот ангел суда в зеленом хитоне, с запечатанным тяжелой печатью страшным свитком дел человеческих в руках, – все полно ужаса и угрозы... И там, вверху, утвердился Престол грозного Судии – Христос в белом хитоне протягивает перед Собой книгу благовестия Своего, которая и будет судить мир. Коленопреклоненный Иоанн Предтеча, крепко зажимая в руке хоругвь своей проповеди, стоит с понурой головой; а «Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное», Пресвятая Дева, склоняясь к плечу Сына, просит милости к тому роду человеческому, который Сам же Божественный Судия Ей усыновил.

И перед этим видением неизбежного часа страхом содрогается душа, и так хочется жизни светлой, чистой, в творении воли Господней. И, когда вы долго побродите в соборе во внебогослужбное время, вы выйдете из него в таком настроении, словно вы, как некогда отрок во время землетрясения в Царьграде, были занесены на Небо.

Вот что дала кисть вдохновенного Васнецова людям. Можно ли поэтому отрицать, что всякий взмах его кисти при создании этих бессмертных творений был делом молитвенным?

Но есть полотна чутких мастеров, хотя и не посвященные творчеству непосредственно религиозному, но производящие высокое впечатление, пробуждающие в душе лучшие христианские чувства.

Возьмите, например, известную, небольших размеров, картину Перова «Похороны». Серым зимним днем едут лесной дорогой дровни, запряженные скверной лошадейкой. Простой деревянный, некрашенный и ничем не покрытый гроб. На дровнях сидит мальчуган в плохенькой одежонке. Вот и все. Но в это простое бедное событие художник вложил такую остроту безысходного и беспомощного горя, столько тоски, что вы стоите перед этим маленьким полотном, как перед куском живой жизни. Вам хочется идти за этим гробом безвестного труженика, который так же убого отправляется к последнему покою, как прожил свой печальный и трудный век. И потом вы говорите себе, что если ничего нельзя сделать для этого мальчишка, потому что его и не существует, то нужно найти других таких же несчастных и помочь им.

Или вот картина известного художника Лебедева, изображающая крестьянку, которая пришла в город проведать своего сына, обучающегося мастерству. Вид этого забитого, одетого в отрепья голодного мальчугана, на которого с безграничным горем смотрит мать, производит такое впечатление, что так и хочется подойти поближе к этой среде, сделать что-нибудь для облегчения участи этих несчастных мастеровых детей.

А литература, истинная литература, произведения тех писателей, которые имеют право вслед за Пушкиным повторить о себе:

Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал.

Разве эти страницы, которые являются для вас любящим другом, советчиком, учителем и утешителем, над которыми вы то прольете теплую слезу умиления, то исполнитесь желанием подражать благородству героев, то постигнете всю низость своей жизни и вам бесконечно захочется жизни новой, сильной и чистой, – разве эти страницы, пробуждающие в вас высокие порывы и тем самым возвышающие вас до Бога, не суть дело христианское и не внушены тому человеку, который их начертал, единственным Источником правды и света?..

А великие музыканты?

Не говоря уже о таких творениях чисто церковной музыки, как знаменитая Седьмая Херувимская Бортнянского, в которой в тихом, сладостном и таинственном распеве вы чувствуете величие и недоступную тайну приближающегося чуда и слышите поступь наполняющих храм и готовых послужить при принесении бескровной жертвы ангелов, – не говоря о таких чисто церковных произведениях, как часто музыкальные отрывки настраивают душу высочайше религиозным образом.

Вот, например, разворачивается перед вами великое вступление в оперу «Тангейзер» Вагнера, которая представляет собой борьбу в человеке земного и небесного начала.

Какая тоска по небу слышится в этих звуках, какое сознание ничтожества земли... И как утверждает веру в загробный мир и в ликующую вечность развитие последней темы.

Очищенная страданием, получив прощение ценой крестной жертвы, душа вступает в Вечность...

Перед вами разверзается небо. Звуки, все усиливающиеся и нарастающие, – волны жизни, стремящиеся в высоту, прорвали, наконец, преграду, отделяющую землю от неба, торжествуя, втекли в берега бессмертия и плещут у самого Престола Господа славы...

Какое величие, какая красота, какой охват!

Тут не вера уже, ибо земное, с возможностью муки и сомнения, уже миновало. Тут уже видение лицом к лицу, с несомненностью, тут уже ненарушимое блаженство обладания...

Вагнер сумел взять робкую, сомневающуюся душу человеческую и поднять ее до небес...

Из всех приведенных примеров видно, как ошибаемся мы, когда думаем ограничить область религии одними явлениями чисто церковного характера.

Нет, Бог решительно во всяком честном и чистом труде человеческом. Бог в нашем здоровом и чистом веселии, Бог во всем, где мы не идем против Его воли.

Среди американского юношества развит обычай предпринимать многочисленным обществом прогулки по прекрасным американским озерам. И тишина вод, дремлющих под нависшими скалами, нарушается вдруг пением религиозных гимнов. Какое великолепное слияние торжественной красоты природы с восторженным излиянием юной человеческой души!

И если я радуюсь чему, если я праздную что-нибудь, в чем выразилось Божие ко мне благодеяние, пусть не говорят мне, что я в радости моей вне Бога. Таким представителям мрачного христианства, для которых христианство все состоит из мрака подземных пещер, я укажу на Христа, озаряющего сиянием Своим пир на браке в Кане Галилейской.

Не должно быть в жизни христианина той минуты, когда бы он не чувствовал своей связи с Богом. И не в одних лишь храмах должны мы искать и видеть Христа, а повсюду в жизни. Он стоит за тем бедным, который возбудил к себе наше сострадание; Он внушил писателю ту мысль, которая нас волнует; Он одел красотой тот мир, который нас так восхищает.

И когда вы, помолясь с утра Богу словами тех молитв, каким вас еще в детстве научили, выйдете наружу, и перед вами заблестит сияние дня, и радость бытия наполнит душу, тогда своими словами, от себя, поговорите с Творцом, скажите Ему: «Как рвется душа моя благодарить Тебя!.. Не за одно только то, что Ты осыпал меня Своими благодеяниями, но за то, что Ты дал и мне и всем людям: за все, за все! За твое изумительное творчество, за силу роста, заложенную в Твои творения, за блеск Твоих звезд, за радость Твоего солнца, за сверкание Твоей росы на изумрудах лугов, за бодрость и свежесть этого утра, за это сознание, которым я поклоняюсь Тебе, за эту жажду и стремление к Тебе, за Твое всепрощение, за встреченных мною людей, в которых мне сияли Твои искры, за мою жизнь, за счастье и за муку, за надежды, за вечность!»

Глава III. Воспитание веры

Иногда религиозное чувство зарождается в человеке само по себе, как-то бессознательно.

В среде, совершенно лишенной тяготения к вере, в среде, где все духовное подвергается злему осмеянию, где детям стремятся привить презрительное отношение к христианству и всячески клеймить перед ними это учение, – и там часто, при этих обстоятельствах, вырабатываются счастливые природы с ярко выраженными стремлениями к религии.

Ведь в первые века христианства часто дети жесточайших гонителей христиан неудержимо влеклись ко Христу и получали мученическую смерть от своих родителей.

Такова, например, история юной девы, великомученицы Варвары, которая втайне от отца, закоренелого язычника Диоскора, приняв христианство, была жестоко им гонима и отдана на невыразимые муки, завершившиеся усечением мечом, во исполнение слов Христовых «предаст на смерть отец чада».

Современность знает такие же необыкновенные случаи горячей, напряженной веры у детей, родители которых являются врагами Христа.

В наши дни Франция, как государство, пошла против Христа. Она запрещает упоминать имя Его в школах, выбросила крест из общественных зданий, изгнала всех монахов и монахинь, значительная часть которых занималась делами благотворения, обучения юношества (лучшее среднее воспитание давалось в школах, которые содержали монахи), уходом в госпиталях за больными, посещением бедных.

В армии есть доносчики, которые доносят на офицеров, посещающих храмы, и эти офицеры – на плохом счету и задерживаются в своем служебном движении.

Вот что случилось со страной, которая некогда считалась «первородной дочерью» Католической Церкви, короли которой почетнейшим для себя титулом считали наименование «Христианнейший», со страной покровительницы Парижа девы Женевьевы, страной святого короля Людовика и другой великой девы, Иоанны д'Арк, верую своею спасшей Францию от порабощения Англией.

Но религия пустила в этой стране слишком глубокие корни, чтобы весь народ пошел за безумствующим правительством.

И остаются верными религии множество людей, которые были в ней воспитаны.

Пишущему эти строки пришлось присутствовать в величайшем по размеру святилище Парижа, необъятной базилике во имя Священного Сердца Иисусова, царствующей над Парижем с высоты Монмартрского холма, на потрясающем служении.

Во Франции есть братство, носящее название «Мужей Франции» и объединившее в составе членов своих все решительно приходы страны. Раз в месяц в базилике Сердца Иисусова собираются они для молитвы о своей стране и о своей вере. Произносится с кафедры слово, освещающее положение страны и дело обороны в ней веры и народной верующей души от посягательства безбожного правительства, бывает торжественный крестный ход по окружающим базилику широким галереям, а до того вся церковь, наполненная мужчинами всех решительно состояний и возрастов, поет гимны.

Трудно передать величие, в котором к высоким сводам поднимается под звуки могучего органа гармонический крик этой несметной толпы, объединенной одной тоской по старой Франции, согласно склонившейся пред распятым Христом, одною мольбою о возрождении страны: «Sauvez, sauvez la France au nom du Sacre Coeur!»²

² Спаси, спаси Францию во имя сердца Иисусова.

При выходе пришлось минут десять добираться до дверей, хотя я находился недалеко от них, и все это множество народа и только что слышанное пение вселяли одно твердое убеждение: «Нет, во Франции еще не покончено с религией!»

Так вот, кроме людей и молодежи, принадлежащих к этой части Франции, сохранившей свою веру, кроме них тоскуют по религии дети отъявленных врагов религии.

Дочь Жореса, известного политического деятеля, непримиримого врага Церкви, постриглась в монахини.

Другие единомышленники его узнавали, что взрослые дети их потихоньку от них ходят в церковь, приобщаются. Когда они упрекали детей в том, что они скрывают от них эти поступки, дети спокойно отвечали: «Мы вас не обманывали. Мы исполняли то, что нам внушает внутренний голос, а чтобы не огорчать вас, мы этим с вами не делились. Ведь ни вы нам, ни мы вам не внушим своих убеждений».

И спокойно, без споров и борьбы, эта молодежь продолжала жить в той Церкви, которую рушили их отцы.

Есть какая-то особая высота и святость в той душе, которая приходит к Богу сама по себе, по внутреннему влечению, которой Бог открывается Сам. Таким именно путем внутреннего чудесного озарения пришла ко Христу великомученица Варвара.

Отец ее не мог надышаться на свою дочь, а красота ее, по мере того как она подрастала, расцветала так, что отцу ее казалось, что глаза людей недостойны видеть Варвары, и для нее была выстроена обширная высокая башня с великолепными палатами.

Лучшим утешением Варвары в ее одиночестве и блестящем затворничестве было смотреть с высоты на природу. Она любила уходить взорами в вечернюю пору в небо, горевшее мигающими звездами, словно возвещающими о каких-то великих, скрытых за этим загадочным шатром, иных мирах. Наблюдала она и красоту земли: праздники юных зорь, роскошь заката, изумрудный всход молодых посевов, колеблемые в летнюю пору ветром волны золотистых нив, немолчно шумящие вершины деревьев.

Захотелось ей, смотря на красоту мироздания, знать, кто же создал всю эту вселенную, украсил ее, как невесту, для неведомого жениха.

Как-то она спросила одну из своих воспитательниц, указывая на красоту неба:

– Кто это сотворил?

Потом, взглянув на красоту земли, на поля и рощи, на сады в их весенней свежей зелени, на возвышающиеся к небу горы, на тихие задумчивые воды, она опять спросила:

– Чьей рукой создана вся эта красота?

– Все это создали боги, – ответили ей.

Варвара стала расспрашивать, какие именно боги.

– Да те боги, – ответили ей, – которым поклоняется твой отец и которые стоят у него – золотые, серебряные, деревянные. Они все создали.

Варвара была вдумчива не по летам. И несообразность ответа, ею полученного, бросилась ей в глаза. Она возразила:

– Ведь эти боги сделаны руками человеческими. Как же эти выделанные людьми боги могли создать светлое, высокое небо и всю земную красоту, когда они сами не ходят ногами и не двигают руками?

Так осталась Варвара неудовлетворенной. Мысль ее не успокаивалась – она размышляла ночью и днем и глядела на небо, замерев перед его тайнами, сжигаемая желанием познать Творца и Его творение. И вот Господь, видя высокую жажду этой души, Сам пошел к ней навстречу.

Как-то однажды, когда она смотрела на небо, разгораясь желанием познать Того, Кто его сотворил, к Кому стремилась ее душа, еще не познавшая истины, но требовавшая истины, был ей глагол Божий.

Благодать озарила ум Варвары, внутренние очи открылись. Полнота истины озарила ее, и она сказала себе сама: «Един должен быть Бог, и Его не сделала рука человеческая, а Сам Он, имеющий собственное бытие, Своею рукою создает все. Един должен быть Тот, Кто поставил красоту неба, утвердил землю и освещает вселенную греющими лучами солнца, сиянием луны и блистанием звезд. Един Тот, Кто украшает землю различными деревьями, цветами, орошает ее руками, источниками и иными собраниями воды. Един должен быть Бог, Который все держит и всем дает жизнь и обо всем заботится».

И вот любовь к таинственному Богу, открывшемуся ее душе, стала охватывать все существо Варвары чудными силами. Так бывает в любви земной, что, едва увидев человека, которого суждено любить всю жизнь, душа стремится всеми силами к этому человеку, лишь в его присутствии чуя в себе счастье и жизнь.

То же, но в еще большей степени, было теперь с Варварой. Она жаждала узнать о Боге, думала лишь о Нем, изнывала в неведении, сгорала любовью к Тому таинственному и неведомому, Которого предчувствовала, но Который еще так мало был ей открыт.

Она не могла надеяться получить от кого-нибудь весть о Боге, потому что никто не входил к ней на башню. Лишь иногда тайными осенениями сообщал ей проблески истины Учитель и Наставник ее, Святой Дух, Который говорил с ее душой бессловесными знаками и никому, кроме ее одной, не внятным внушениями...

Как это было с великомученицей Варварой, ясный ум не может не остановиться над таким вопросом.

Если нет ни одного людского предприятия, которое могло бы двигаться, никем не руководимое, то как же без верховного Начала могла бы держаться в своей изумительной стройности вся громада мироздания?

Такой ум сам собой придет к неизбежной вере в Творца и Промыслителя всего существующего.

Затем для ума живого и глубокого и для природы, отличающейся справедливостью, представляется необходимым проверить те странные нападки на религию, которых он становится свидетелем. Он старается во всем разобраться. И можно сказать, что иные люди, которые бы остались к природе равнодушны в те времена, когда религия не преследуется, обращаются к ней всей душой во времена гонений.

Но этот путь, о котором сейчас было говорено, – путь непосредственной веры есть путь немногих избранных душ.

В других веру надо воспитывать, и это воспитание веры принадлежит к числу важнейших задач жизни.

Нечего много распространяться о том, насколько для людей верующих кажется важным вопрос о том, чтобы передать свою веру детям.

Порой этой же заботой волнуются и атеисты.

Кто-то из французских известных отрицателей самолично водил свою дочь на уроки катехизиса – очевидно желая воспитать в своей дочери ту веру, которой был лишен он сам.

Одна состоятельная женщина, очень образованная и считающая себя атеисткой, занимается столовыми, где кормят бедных детей. Как-то она рассказывала:

– Представьте, прихожу я в столовую. Дети садятся за столы, как ягнята, без молитвы. Я сейчас же велела им спеть молитву. Ведь это ни на что не похоже. И самым строгим образом предписала надзирательнице, чтобы никогда не сажались без молитвы.

Негодование в устах «атеистки» довольно неожиданное...

Но в том-то и дело, что атеизм, доведенный до последних выводов, до равнодушия, у содержательных людей почти не существует: или он бывает кроткий и примирительный, как вот у этой женской души, граничащий с верой, или ненавистный, воинствующий, а ненависть – это только оборотная сторона любви.

Так или иначе, эти люди чувствуют всю ценность для души религии, незаменимую поддержку, которую она оказывает людям, и не решаются отнимать у близких такое сокровище.

Одна мать нанимала на лето в деревню учителя-студента для своего сына, которому было тогда лет шестнадцать. Студент оказался во всех отношениях подходящим, но нужно было решить еще важнейший вопрос.

– Видите, – сказала эта заботливая мать, – я воспитывала моего сына верующим и доселе сумела сохранить его в этом отношении от всяких колебаний. Я хотела бы знать, каково будет воздействие ваше на него с этой стороны.

– Место у вас, – отвечал ей этот, как видно, порядочный и честный молодой человек, – подходит мне во всех отношениях. Но я лучше лишусь этого места, чем скрою от вас правду. Я сам неверующий человек, и от этого сильно страдаю. Зная по себе, как тяжело жить без веры, я, конечно, ни в ком ее не колеблю. И если бы я поступил к вам, я бы тщательно избегал касаться перед вашим сыном этих вопросов.

Так должен смотреть на это всякий человек, сочувственно и глубоко относящийся к людям.

Но конечно, из этого осторожного молчания многого не вынесет детская душа. Нужно положительное воздействие.

Невозможно преувеличить то первостепенное значение, какое имеют для непробудившегося еще вполне сознания первые теплые и чистые впечатления веры.

В детской перед старой иконой тихо, бесстрастным умиряющим огнем теплится лампадка; старая няня перед иконой творит поклон за поклоном; с ближней колокольни доносится тихий мирный благовест:

В Божью церковь идут Божьи дети...

Окна трескучий мороз разрисовал прихотливым узором, а здесь, в комнате, тепло, уютно и отрадно.

И этот мир, это святое затишье, ребенок, быть может, вспомнит много раз потом в зрелые годы, а многое прояснится тогда в его омраченной душе.

Мне вспоминается одно посещение усадьбы родных.

Будучи по делам в одном старинном городе, я вспомнил, что тут неподалеку, верстах в двенадцати от города, живут в старой родовой усадьбе мои родственники. Я списался с ними, они выслали лошадей, и я поехал к ним как-то вечером.

После осмотра дома, строенного в начале XIX века, со старыми семейными портретами на стенах, старой мебелью и старинной посудой, я прошел за молодой хозяйкой в большую темную комнату.

– Тут его отец родился, – сказала она у порога, кивая головой на мужа.

А покойный старик был нерядовой человек, памятный в истории своего края.

Мы вошли.

Просторная комната с тщательно завешанными окнами была почти пуста, как это бывает в хорошо содержимых детских. На столе висел в металлическом киоте и в золоченой ризе Казанский образ Богоматери, перед ней светился через синее стекло лампадки нежный огонек.

– Этой иконой моего отца на свадьбу благословляли, – сказал тихо хозяин.

Посреди комнаты стояла колыбель с раскинутыми в стороны кисейными занавесками. В ней лежал спящий младенец, сладко чмокая губами.

Казалось, что лик старой иконы доставал своими благостными очами эту колыбель и осенял своей силой новое человеческое существование.

И эта икона какими-то узами связывала деда и внука, прошлое и будущее...

Вот та здоровая, естественная обстановка, которой от рождения окружен ребенок христианских родителей.

А сколько трогательной поэзии в том, что молодая мать учит ребенка складывать пальчики руки в первое крестное знамение, учит его лепетать среди первых слов, которые он начинает произносить, великое имя «Бог».

Жалко того ребенка, которого мать не учила молиться, и жалко ту мать, которая предоставила эту заветную обязанность другим.

Замечательно, что дети совершенно не сомневаются в существовании Бога. Их еле мерцающее сознание тем не менее как-то способно охватить идею Божества.

Слова Спасителя: «Утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцам» – открывают законное поле для весьма важных догадок.

Младенческая душа, начав рано свою религиозную жизнь, может еще в младенческом возрасте пойти очень далеко в религиозном своем развитии. Она может созерцать те тайны, в созерцание которых погружены, например, знаменитые два херувима на картине «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, что Рафаэль поставил как бы на границе двух миров.

Были случаи в годы гонений, когда грудные дети рвались сами на те пытки за Христа, которым подвергали их родителей, и являлись, таким образом, сознательными исповедниками и мучениками.

Кому приходилось наблюдать за выражением лица у младенцев, когда их только что приобщили, тот мог уловить на этих, в общем, мало выразительных лицах какую-то особую печать святой непорочности, радости и созерцания...

И вот то, что душа чувствует сама собой, к чему она сама поворачивается, как подсолнечник к солнцу, – все это надо в детях укреплять, развивать, углублять.

С самого раннего нежного возраста детей нужно возможно чаще, хоть всякую неделю, приобщать. Как прививать дичку ветку благородного дерева, так ничем лучше нельзя сделать душу гроздью на Христовой лозе, как возможно частым ее погружением за трапезой Христовой в святыню Христову.

Известный в Петербурге духовник и проповедник, почивший протоиерей отец Алексей Петрович Колоколов, рассказывал, как одна его духовная дочь была выдана за богатого титулованного человека, который обнаруживал признаки душевной болезни. Доктора боялись, что дети выйдут ненормальные.

Со своей стороны отец Алексей предложил то, что было в его руках, – средство духовное. Он советовал матери возможно чаще с первых же месяцев рождения приобщать тех трех мальчиков, которые у нее были от этого брака. И все они вышли вполне здоровыми и естественными людьми.

Детскому возрасту, конечно, непонятны разные догматические тонкости, которые им совершенно излишне и объяснять. Но в детях надо внедрять живое чувство к Богу – чувство, что есть высшее, всемогущее, прекраснейшее Существо, Которому все открыто, Которое всегда готово выслушать человека и откликнуться ему.

И пусть сперва ребенок обращается к Богу со своими детскими, с виду пустыми и ничтожными, просьбами; это и есть та простая и непосредственная вера, та крепкая вера в Него, которая потом, конечно, с созреванием человека, примет иной оттенок.

В одном из благоухающих созданий русской литературы, принадлежащем перу человека, который, к сожалению, потом изменил Христу, в «Детстве и отрочестве» графа Л. Н. Толстого, есть прекрасное описание детской молитвы, как, стоя в своем халатике, он молится о папеньке и маменьке и вспоминает тут разом о всех людях, кто ему дорог в его детском мирке, и тут же просит, чтобы завтра была хорошая погода и чтобы можно было идти гулять.

В «Войне и мире» брат и сестра Ростовы взрослыми вспоминают, как детьми они молились, чтобы снег сделался сахаром, и выбегали на мороз смотреть, не случилось ли этого чуда по их молитве.

И вот когда Николай, уже офицером, молился однажды, чтобы Бог помог ему выпутаться из одного очень сложного и тягостного положения, во время самой его молитвы он вдруг получает письмо, которое неожиданным и наилучшим образом все устраивает.

Детская безотчетная молитва со странными своеобразными просьбами обращается в сознательную молитву зрелого возраста.

В деле воспитания детей очень важно окружить их атмосферой веры и привить им добрые благочестивые навыки.

Вера искренних людей подчиняет себе других, невольно передается, перенимается, особенно в детском восприимчивом возрасте.

Я знаю одну семью, где при детях прожила с год бонна, русская девушка из Калуги, очень набожная. У нее в комнате висели у кровати образки, привезенные ею с собой из Калуги. Она постоянно говорила детям о Божественном. Не отлучаясь от детей весь день, она, и в будни часто бывая в церкви, рано подымалась, чтобы идти к заутрени и ранней обедне. От нее дети услышали в первый раз имена многих святых; она им рассказала о Саровской пустыне и о великом старце Серафиме, кормившем из своих ручек медведя, об Оптиной и ее старцах. Всякое утро после общей молитвы она поила детей натошак из маленькой рюмочки святой водой и давала им по кусочку тех просфор, которые приносила с собой из церкви.

Всего год провела она в этой семье, так как служила для того, чтобы скопить себе на приданное – в родной Калуге ее ждал жених.

Но след, оставленный ею и церковной ее жизнью в душе детей, был глубок и не изгладился во всю их жизнь.

В этой же семье летом дети гащивали в большом имении у пожилой тетки, не вышедшей замуж. Она была тоже женщина набожная и церковная, и такими же были служившие ей женщины.

Когда дети приходили по вечерам прощаться с тетусшкой, они неизбежно заставляли у нее старую ее ключницу, полуглухую старушку, с семи лет служившую при господах.

В это время происходило всегда обсуждение, за кого подавать на завтрашнее утро за ранней обедней просфоры и кого поминать за панихидой.

Старушка-ключница всякий день бывала у обедни и ежедневно подавала поминовенные просфоры «о здравии и за упокой». Часть имен, ближайших родных, поминались ежедневно, а часть – в известные дни – дни именин, рождений и смерти: все эти памятные дни у госпожи ее были аккуратно записаны в особую книгу.

Зимой иногда тетусшка брала с собой одного из маленьких племянников, обнаруживавшего особую набожность, с собой в Троицкую лавру под Москвой, где у нее были схоронены родители.

Дети знали о лавре и о преподобном Сергии с первых сознательных лет своих. У них была старая бабушка, доживавшая свой век на окраине Москвы, неподалеку от женского монастыря, где ждал ее последний приют. Ежедневно старая раскормленная лошадь, которой правил старый почтенный кучер, привозила в просторных дрожках или низких санях бабушку к монастырскому собору. Отсюда, отстояв обедню, она, опираясь на клюку, медленно шла своим старческим шагом к «могилкам» – мужа, незамужней дочери и сына, умершего мальчиком, соединения с которыми она покорно ждала в своей тихой и ясной старости.

По большим праздникам, несколько раз в год, ее старший сын привозил своих детей к матери, и в жарко натопленных маленьких и низких уютных комнатах, уставленных тяжелой семейной мебелью, устраивался обед.

Детей интересовали и старые большие иконы в дорогих окладах в бабушкиной спальне, и бесчисленное множество горшков со свежей, прекрасно сохранившейся зеленью и цветами на бабушкиных окнах, и старый серый бабушкин кот, тихо мурлыкавший на своей неизменной скамеечке с мягкой подстилкой, и на стенах старые портреты, навешанные чинно и в порядке, всякого размера, и масляными красками, и водяными, и забавные дагерротипы на стекле, и старинная посуда.

Бабушка вела беседу медленную и тихую. Она любила вспоминать о разных подвижниках, которых знала; рассказывала о святых местах, так как была охотница посещать их, и о тех чудесах, о которых за последнее время где-нибудь вычитала или услышала. И от всех ее рассказов, с этой мирной обстановкой ее дома, что-то тихое, успокаивающее, полное доверия и предчувствия близкой вечности вкрадывалось в душу, навсегда прокладывая в ней глубокую борозду.

После обеда шли обыкновенно в комнату к старой слепой бабушкиной служанке Нениле, жившей на покое. Нениле было много-много лет. Она была из подмосковных крестьян и хорошо помнила «француза», так как в двенадцатом году она была взрослой девушкой.

Дети усаживались рядом на мягкую кровать Ненилы, а старушка, никогда не сидевшая без дела, двигая спицами, в сотый раз рассказывала своим неспешным старческим голосом про разные истории «с французом».

Теплая светелка с большой изразцовой лежанкой была в полумраке надвигающегося вечера мирно озарена огнем лампадки. Освещенная ею, проступала позолоченная резьба ветвей дешевого киота. По стенам в старых рамах висели подаренные уже давным-давно бабушкой Нениле выцветшие одного и того же размера гравюры с разными событиями из жизни преподобного Сергия Радонежского.

Первая изображала, как ангел является под дубом преподобному в детстве и как мальчик стоит перед ангелом со сложенными руками для принятия благословения, с уздечкой, висящей у локтя. На одной преподобный месил тесто для просфоры. На другой – смотрел через окно кельи на множество птиц, наполнявших пространство монастыря, в предсказание множества учеников его. На третьей, сидя на обрубке пня в келье, занимался портняжничеством. На четвертой чудесно изводил из земли источник воды. На пятой посещала его Богоматерь. Была еще картинка, как его приобщают перед смертью, и как он при осаде монастыря поляками обходит монастырские стены, окропляя их святой водой.

И, смотря на эти картинки, дети принимались расспрашивать Ненилу о том, сколько раз она ходила к «Троице» на богомолье и какие с ней по дороге бывали приключения.

Вот где и как узнали дети о преподобном Сергии Радонежском.

И для того мальчика, которого тетушка брала с собой в Троице-Сергиеву лавру, эти поездки были полны какой-то особой привлекательности.

Раннее-раннее вставание, чтобы попасть на поезд, который идет в начале седьмого часа, быстрый проезд по знакомым улицам Москвы, в этот час имеющим какой-то необычный вид, точно они другие; в поезде думы об этом великом отшельнике: как он не мог усваивать себе того, чему его учили, и как ему явился ангел, чтобы просветить его ум (картинка в комнате бабушкиной Ненилы), как он покоил до смерти своих родителей и как потом ушел в этот дремучий лес, как искушали его злые духи, и как он благословлял Димитрия Донского идти на Мамаю.

А потом приезд в лавру; знакомый извозчик, всегда едущий с тетушкой, в просторных санях; знакомая дорога в гору и наконец лаврские святые ворота.

А там чинная служба, «заказная» обедня для них в одной из маленьких церквей и панихида с литией снаружи, перед высокими тяжелыми памятниками на могилах родных. Потом Троицкий собор, рака преподобного в великой славе, вереницы богомольцев, нескончаемые возгласы молебнов: «Преподобие отче Сергие, моли Бога о нас!», сияние множества огней

вокруг раки, как отблеск ликующей вечности, чувствуемые тут, слагавшиеся к этой раке длинной чередой веков народная вера, слезы, стоны, моления и стоящий в святом воздухе этого священного места торжественный, неизгладимый отзвук когда-то прозвучавшей здесь блаженной вести: «Се Пречистая грядет!», когда-то произнесенного здесь великого обетования: «Неотступна буду от места сего и буду покрывать его»...

И как все эти впечатления западают в душу, чтобы никогда не выпасть из нее!

А потом могила митрополита Филарета, который бывал в доме бабушки и о котором столько рассказов и воспоминаний на Москве; знаменитые троицкие просфоры, забираемые в большом количестве, с надписью имени на обороте, сделанную гусиными перьями в руках послушников за длинным, черным столом около просфорной; поездка к «Черниговской» лесом, по которому, конечно, бывало, пробирались к преподобному Сергию тяжелой стопой медведи за хлебом, и в подземной церкви большая чудотворная икона...

Вот что нужно детям, чтобы внедрить в них крепко религиозное чувство.

Последующие бури могут временно умалить, порастрепать это чувство, но все же основа останется, и как на величественном, далеко в землю ушедшем фундаменте разрушенного дворца можно выстроить снова дворец еще краше, так человек, переживший в детстве всю полноту религиозных чувств, несмотря ни на какие последующие искушения отрицания и равнодушия, всегда может обратиться к Богу с еще большим пылом и едва ли умрет далеким от Бога.

С самого раннего возраста надо приохочивать детей к духовному чтению.

Я знаю человека, который всю жизнь имел большое сочувствие к монашеству и монахам. Это сочувствие зародилось в нем в раннем еще детстве.

Ему было лет пять, и он еле читал по складам, когда ему попались в руки какие-то обрывки из одной духовной книги крупной печати. Но в этих обрывках было полное краткое житие преподобного Феодосия Киево-Печерского, и мальчик с восторгом прочел его, особенно те страницы, где описано, как в детском возрасте подвижничал преподобный Феодосий, как надевал на себя вериги и как преследовала его мать.

Я знал еще мальчика, который выказывал большое сочувствие пешим богомольцам.

В этой семье возили детей весной и осенью, до переезда в деревню, кататься и гулять в парк, за заставу, где проходят богомольцы, пробирающиеся к преподобному Савве Сторожевскому и в Новый Иерусалим, или возили через Крестовскую заставу в Останкино, по шоссе, где попадаются вереницы богомольцев, направляющихся к Сергию-Троице.

Этот мальчик любил заговаривать с богомольцами, жалел их, что они идут пешком и тащат еще на спине тяжелые котомки. Денег у него, хотя его родители были богаты, не было по его возрасту ни гроша, но у него бывали с собой карамельки, которые им давали на дорогу. Эти карамельки он и отдавал богомольцам. А раз, отдав им свои и разойдясь с ними на далекое расстояние, он уговорил братьев отдать ему и их карамельки и опрорхметью принялся догонять богомольцев, чтобы вручить им это сокровище, – сопровождавший их учитель торопил их садиться в коляску, чтобы вернуться домой.

Все вот такие черты детской жизни и образуют обстановку, благоприятную для развития и укрепления веры.

И часто не те лица, которые гордо полагают, что они руководят ребенком, – часто не эти вовсе лица направляют душу и жизнь ребенка по тому или другому руслу.

Вспомнить лучезарное создание Тургенева – Лизу Калитину из «Дворянского гнезда», один из высших русских духовных литературных типов.

В чопорном, холодном и скучном доме ее родителей не лживо-сентиментальная ее мать и не погруженный в свои своекорыстные расчеты отец направляли жизнь чуткого ребенка.

Около девочки стояла незаметная няня Агафья, женщина цельной души и крупной веры, одна из тех, кем держится мир Святой Руси. Стояла и заботливой рукой вела девочку ко Христу.

Те службы, к которым на заре, в задумчивую и загадочную пустоту церкви водила няня маленькую Лизу, те рассказы, в которых с бесхитростною верою своею она описывала страдания мучеников, и как цветы подымались вдруг из земли, орошенной их кровью, – все это вырабатывало постепенно в Лизе то тайное, громадное чувство к Богу, которое потом, при крушении ее несмелых земных надежд, заполнило всю ее жизнь, – то чувство, о котором так просто, потрясающе и исчерпывающе выражается Тургенев: «Бога одного любила она робко, восторженно, нежно...»

Тип Лизы Калитиной, питомицы няни Агафьи, как бы парит над землей, и жизнь ее стоит на той грани, где кончается земная повесть, где начинается житие праведницы.

Другой бессмертный образ русской женщины – Татьяна Ларина из «Евгения Онегина» Пушкина. И здесь точно так же нам ясно духовное воздействие простой русской женщины, няни – неграмотной бедной крестьянки, которая имела свое цельное, непоколебимое воззрение на жизнь как на поле долга и чести и привила это воззрение своей питомице.

Таня, взрослая годами, но ребенок душой, открывает няне свою тайну, никому еще не высказанную, – о любви своей к Онегину. И как принимает старушка это признание в любви, которое принесло Тане столько горя?

– Няня, няня, я тоскую!
Я плакать, я рыдать готова!
– Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь... – Я не больна;
Я... знаешь, няня... влюблена.
– Дитя мое, Господь с тобою! —
И няня девушку с мольбой
Крестила дряхлою рукой.

Поэт немного кладет черт, чтобы уяснить нам душу Татьяны, и особенно целомудренно мало говорит он об ее верованиях. Но во всей этой краткости широкие горизонты Татьяниной идеальной души, для которой и любовь была чистым восторгом и поклонением тому, что казалось ей самым высоким и прекрасным из всего, что она доселе встречала, – широкие горизонты этой души открывают ее слова о том, что прежде своей встречи с Онегиным она его уже предчувствовала:

Не правда ль, я тебя слыхала,
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души...
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью,
Не ты ль с отрадой и любовью

Слова надежды мне шепнул!

Так в Татьяне мысль о любимом человеке совпадает с молитвой, ибо все, что есть в глубоких людях лучшего, – все то у них соединено с вечностью. И конечно, в несчастном браке своем думая об Онегине, она мечтала о том, как вне тягостных условий земли они встретятся в вечности.

И что ее простая бесхитростная няня имела большое влияние на образование цельного мирозерцания Татьяны, видно из того, что в минуту нравственного апофеоза своей героини, в отповеди ее Онегину, как укрепляющую ее силу, Пушкин влагает в нее память о безвестной ее няне.

Совершив то дело, к которому призвал ее Бог, – развитию души человеческой воистину «по образу и подобию Божию», – смиренная старушка отошла к Богу, возносящему смиренных, и была положена среди таких же, как она, безропотно перенесших жизненную страду тружеников. И светлая тень ее еще раз мелькает перед читателем, когда в ответе Онегину Татьяна вспоминает:

Смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей.

Вот откуда черпали свою немногословную веру люди, воспитанные такими нянями и дядьками (Савелия из «Капитанской дочки», Евсеич С. Т. Аксакова).

Очень важно детям иметь с раннего возраста общение с выдающимися духовными людьми.

Не будет ли отличаться своей возвышенностью строй такой семьи, как была семья великого князя Дмитрия Донского, которого пестуном и наставником был митрополит святитель Алексей, советчиком – преподобный Сергей Радонежский, духовником – его племянник, святой Феодор (впоследствии архиепископ Ростовский)? Тут и выработалась та сила духа, которая помогла Дмитрию выступить против Мамаю – предприятие в высшей степени опасное, – с верою в успех. А супруга Дмитрия, великая княгиня Евдокия, во иночестве Евфросиния, сияет в сонме русских святых.

Счастлива та семья, которая имеет общение с каким-нибудь старцем высокой жизни, и в высшей степени важно для детей иметь перед глазами образ совершенного человека.

Такие люди, какими были недавно жившие среди нас и памятные еще многим далеко не старым людям старцы Амвросий Оптинский, отец Варнава (из скита Черниговской Божией Матери под Троицей), великий священник Божий отец Иоанн Кронштадтский, – общение с ними давало молодежи главным образом два основных впечатления.

Первое впечатление – это счастье их трудовой и подвижнической жизни.

Всякому бросалась в глаза бедная обстановка первых двух, множество людей, нескончаемой волной сменявшихся перед всеми этими тремя подвижниками. Все видели, что они постоянно в трудах, обуреваемы народом, который нес им свои сомнения, тягости, грехи, требуя от них разъяснения, облегчения, разрешения. Видели, как старец Амвросий последние годы жизни доходил до такой усталости, что голова его, уже не поддерживаемая шейными позвонками, заваливалась назад, и слова вылетали с трудом из уст чуть слышным шепотом, так что, прикинув ухом к его устам, еле можно было понять, что он говорит. А между тем какой он был полон радостью, какой дышал благодатью утешения!

И невольно тогда начинало складываться перед этим живым и ярким доказательством убеждение, что счастье жизни не во внешних блестящих условиях жизни, а счастье в том, как

проводил и проводит свою жизнь этот изможденный, изнемогающий, но светлый и радостный старец.

Еще же при взгляде на этих людей должно в молодой душе возникнуть ясное предощущение небесной жизни. Ибо такие люди как бы сами носят в себе живые куски неба и дают всякому соприкасающемуся с ними человеку непосредственное ощущение этого неба.

Когда отец Иоанн молился, вы чувствовали, что он стоит как бы непосредственно перед Богом, схватившись за Его ризу и решив не выпускать из рук своих этой ризы, пока не будет услышан. И с ними нет уже места сомнению.

Или когда, сияя своим старческим благолепием, озаренный изнутри шедшими от него лучами, стоял перед вами сторбленный семидесятилетний старец Амвросий, тихо глядя вам в душу своими прозорливыми глазами, – вокруг было такое необычайное торжество, такое счастье, такая безмятежность и радость, что небо, о котором только робко мечтается, тут вами чувствовалось так, как будто на эти минуты вы уже были не на земле.

Конечно, этим идеальным способом для внедрения религиозности, знакомством со старцем и нахождением под его руководством, может пользоваться только избранное и ничтожное меньшинство, так как вот сейчас, кажется, и нет ни священника духовной силы отца Иоанна, ни старца высоты отца Амвросия.

Тогда, по крайней мере, пусть будет у детей хороший, заботливый и ревностный духовник.

В Москве был почтенный и заслуженный протоиерей, настоятель известного великолепного храма Святителя Николы Явленного на Арбате, отец Степан Михайлович Зернов, обращавший близкое внимание на детей своих прихожан.

Весьма благолепный старец, он служил с таким чувством, что иногда из-за душивших его слез еле мог произнести возглас. По московскому обычаю, обходя «с крестом» дома прихожан во дни больших праздников, он разговаривал с детьми и, между прочим, требовал, чтобы они знали наизусть тропари и кондаки тех праздников и тех святых, которым были посвящены все пять алтарей его храма.

На весь этот маленький народ сильное впечатление произвела его кончина: он умер на освящении одного храма. Только что приобщившись, отошел к жертвеннику и упал мертвым.

Какое важное, захватывающее событие для детей – первая исповедь! Значение этого события в жизни ребенка станет еще выше, если взрослые хорошенько объяснят ему, к чему он приступает.

Совестливый набожный ребенок с чрезвычайной тщательностью роется в своей совести, выискивая на ней мельчайшие пятна. Груз его ничтожных детских проступков кажется ему страшным; вины его перед Богом – бесконечными. Он трепещет перед Божиим судом. Сомневается, допустит ли его священник до причастия.

Заботливый духовник сумеет воспользоваться этим настроением, чтобы углубить его.

Не все одинаково согласны с тем, что полезно, если законоучитель является и духовником. Чем больше возраст детей, тем труднее им быть вполне откровенными с человеком, которого они постоянно видят в обыденности. Бывали, к тому же, такие ужасные случаи, что духовники-законоучители, которым дети покаялись в осуждении их в классе, потом придирками и дурными отметками мстили этим откровенным и правдивым детям.

Вот дано отпущение грехов, и какая чистая радость сходит на душу ребенка. Какие даются в душе клятвы не делать ничего, ничего дурного, чтобы быть достойным Бога и всегда готовым к причастию.

Если ревностные родители часто приобщают детей грудных, то чем далее удаляются дети от этого первоначального возраста, тем реже их приобщают.

Это совершенно неправильно, и такие родители обнаруживают глубокое непонимание. Можно ли думать, что благодать менее нужна шестилетнему ребенку, чем трехмесячному?

И до исповеди, и после нее надо подводить детей ко святой чаше возможно чаще. Надо всеми силами стремиться к тому, чтобы в возрасте, еще далеком от всех искушений, человеческая душа ощутила такую сладость, даваемую здоровой духовной жизнью и участием в таинствах, чтобы потом в самом воспоминании этих высоких блаженных минут заключалась сдерживающая и охраняющая против всяких соблазнов сила.

Очень важно приучить детей к мысли, что и в их возрасте многие дети угодили Богу и были причислены Церковью к лику святых. Важно также, чтобы дети узнавали, как прошло детство тех людей, которые в зрелом возрасте стали великими праведниками.

Ведь детство их было приготовлением к их последующей высокой жизни.

Существует такое описание, относящееся к русским святым³. Надо надеяться, что то же будет выполнено и относительно общецерковных святых.

Есть трогательное стихотворение Некрасова «Школьник», где барин, посадив к себе в повозку встречного мальчика, который босым бредет в город на учебу, говорит ему:

Сам узнаешь – будешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Жития святых детей и повесть о детских годах святых покажут детям, как и в их возрасте можно стать угодником Божиим. В видении, которое в «Борисе Годунове» Пушкина передает патриарх со слов пастуха, прозревшего у гроба царевича Дмитрия, есть умильные слова.

– Но кто же ты? – спросил я детский голос.
И был ответ: «Царевич я Дмитрий.
Царь Небесный приял меня в лик ангелов Своих,
И я теперь великий чудотворец».

Праведный Артемий Веркольский был таким же маленьким мальчиком, но не царского рода, а из бедной крестьянской семьи, а Бог и его сделал «великим чудотворцем».

Этот мужичок, убитый молнией во время работы на поле, конечно, любил Бога той особой всеобъемлющей любовью, которая творит святых. Больше у него не было ничего, и этого было для Бога достаточно.

Все, что облагораживает, умягчает человека, – все то должно быть призвано в деле борьбы за детскую душу.

Пусть лягут на нее возвышающие впечатления торжественных церковных служб, особенно таких, которые отличаются своей образностью, как службы Вербной субботы, Страстной недели, Пасхи, Троицы, Богоявления.

Пусть с ранних лет научатся дети уделять часть своих скудных денег на бедных.

В одной семье к ее главе два раза в год, на Рождество и на Пасху, приходил старый-престарый старичок и приносил для детей: на святки – белых, обтянутых мехом зайчиков, и на Пасху – сахарные, полые внутри яйца, с украшениями из золотой бумаги.

Глава семьи принимал его наедине в своем кабинете, беседовал с ним не менее четверти часа, хотя вообще был человек очень занятой. Старичок уходил от него радостный: хозяин давал ему помощь, достаточную на целые полгода. Тогда он отпраивался к детям. Они удивлялись его старости и бывали ему очень рады.

³ *Поселянин Е.* Святые дети русские и детство русских святых. Издание Училищного совета при Святейшем Синоде.

Доподлинно никто не знал, как и почему встретился старичок и их отец, и ни тот, ни другой об этом определенно не говорили, и оба отвечали уклончиво, когда их о том спрашивали. Но по некоторым догадкам, отец их знал старичка, когда сам был еще учащимся, очень небогатым человеком, и тогда начал помогать ему, урезывая себя.

Но как бы то ни было, и дети со своей стороны совали ему серебряные монетки и разные сладости – конфеты, чернослив, орехи, которыми в эти дни были богаты, – все это для его внуков, о которых он рассказывал.

Так начинался день великого праздника.

И на всю жизнь, в память праведного отца своего и в память счастливого своего детства, они, выросши, сохраняли теплую жалость к старикам и к детям и помогали им, чем могли.

Если у ребенка чуткая душа и он рано узнает страдание, это один из самых верных путей к Богу.

Страдание бесконечно в разнообразии своем. Это далеко не всегда сиротство и бедность. И в детском возрасте горючие слезы могут литься через золото.

Бывают дети особенно идеально настроенные, с тончайшей душевной организацией. Они могут иметь восторженную привязанность к своим родителям, но вдруг узнают про этих родителей что-нибудь такое позорное, что для этого возраста, рассуждающего прямо и не знающего жизни, совершенно унижает родителей в их глазах. И какая тут мука – любить и быть вынужденным презирать!

Или ребенок с робкой, но страстной жадой привязанности окружен холодностью. Родители заняты делами и развлечениями, так что забывают о детях, и никто не присмотрится к тому, что творится в маленьком обособленном сердце, ревниво прячущемся от людей... И ребенок растет, питаясь своими тайными слезами.

Мой мир был мир иной: не мир волшебной сказки
И первых детских снов. В полуночной тиши
Он создан был в груди безумной жадой ласки,
Он вырос и расцвел из слез моей души.⁴

И вот тут к кому кинуться, кому довериться? Кому без стыда, без утайки можно открыть все-все, кротко и безропотно жалуясь, прося утешения, прося сил...

О если б знали взрослые!

Если бы они знали, что под их крышей живет им близкое по крови, но заброшенное ими разумное и беззащитное существо, которое они мучают без всякой его вины. Если бы они знали, что в те часы, когда все засыпает и небо зрячее всматривается в землю, – если бы они знали, что тогда маленькие страдалцы, пугливо прислушиваясь, не догадается ли кто об их печальной тайне, надрывают слабую грудь сдержанными рыданиями, и горе это, великое неизбывное горе, окружает и невыносимо теснит их со всех сторон.

Захлебываясь в слезах, дрожа всем телом, – что бы дали они тогда за один ласковый взгляд, за одно доброе слово!

И тогда происходит одно из невидимых Божьих чудес.

Стерегущий эти души Христос склоняется к ним, невидимо берет их за руки, прижимает к себе, как пастух испуганную трепещущую овцу.

И все, что было слышно ими о страданиях Христа, встает вдруг разом. Они чувствуют, что страдают не одни, и странная острая радость слияния муки своей с мукой Христовой проникает в них.

⁴ Надсон.

О эта сладость, сменяющая недавнюю дрожь, страх и одиночество, эти блещущие восторгом глаза, этот шепот непонятных слов, немогущих пересказать Богу всего, что наполняет то сердце, в которое Он вошел и в котором останется.

Эти часы не забудутся. И этих детей никто никогда, никогда не оторвет от Христа...

Бывают дети особенно отмеченные перстом Божиим, дети задумчивые, сосредоточенные, милостивые, набожные с первых лет своих.

Однажды в одной из чтимых петербургских часовен мне довелось увидеть милого ребенка лет четырех.

Она была одета во всем белом, и из белого шелкового капора смотрело прелестное лицо в рамке светлых вьющихся волос с черными серьезными глазами.

В ней было что-то важное, сосредоточенное, как это часто бывает в детях, развитых не по летам. Глаза ее глядели тоже внимательно, сочувственно, но несколько строго.

Почтенная пожилая няня держала девочку за руку. Она, помолившись широким крестом у входа, подошла к свечному ящику, купила несколько свечей и стала ставить эти свечи у главных икон. За всем этим красавица девочка пристально присматривала, точно проверяя, так ли все исполняет няня, как надо. Ставя свечку, няня всякий раз подымала девочку с пола и подносила ее к иконе. Девочка тянулась к ней руками, предварительно набожно перекрестясь на руках у няни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.